

Вождь рабочих перед судом капиталистов

РЕЧЬ ВАРЛЕНА

перевод с французского

Издание культ.просв.отдела

при Вятск.Исп.Комитете

Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов

Вятка, 1918

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года
и отдельным ее деятелям,

можно читать и скачивать здесь,

в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

Международное общество рабочих и Варленъ.

Въ маѣ 1868 года въ Парижѣ судились за участие въ недозволенномъ сообществѣ переплетчикъ Варленъ, красильщикъ Малонъ и семеро другихъ изъ товарищей-рабочихъ. Недозволенное сообщество, за которое они судились, было основано за три года передъ тѣмъ и называлось „Международнымъ Обществомъ рабочихъ“. Весною 1868 года оно было еще не очень велико, но представило уже задуматься всѣхъ враговъ рабочего класса всѣхъ богатыхъ, живущихъ чуждымъ трудомъ людей (буржуазію).

Дѣло въ томъ, что, основавши это общество, рабочіе въ первый разъ начали дѣйствовать сами по себѣ, совершенно отдѣльно отъ всѣхъ не-рабочихъ партій, тогда какъ раньше они всегда надѣялись, что ихъ осчастливятъ тѣ или другіе люди изъ высшихъ классовъ, и надѣялись понапрасну. На этотъ разъ, соединившись въ „Международное Общество“, рабочіе разныхъ странъ рѣшили обходиться безъ руководства какихъ бы то ни было благодѣтелей и добиваться общими силами лучшаго будущаго для всѣхъ трудящихся, ни на кого, кромѣ самихъ себя, не рассчитывая „Освобожденіе рабочихъ должно

быть дѣломъ самихъ рабочихъ“, написали они въ своемъ уставѣ и твердо держались этого правила принимая въ общество только такихъ людей изъ другихъ классовъ, которые совершенно перешли на сторону рабочихъ, и ничего не хотѣли, ничего не добивались, кромѣ устройства рабочаго дѣла.

Другою, небывалою раньше, особенностью новаго общества была его международность. Понявши что рабочіе вездѣ, во всѣхъ государствахъ, одинаково страдаютъ, что у нихъ одни враги и что какъ бы ни ссорились между собою эти враги, противъ рабочихъ они всегда и всѣ стануть заодно,—понявши все это рабочіе разныхъ странъ рѣшили тоже стоять заодно и общими силами добиваться лучшаго будущаго. Съ тѣхъ поръ они никогда не измѣняли этому рѣшенію. Понимавшіе свое положеніе рабочіе всѣхъ западныхъ государствъ—нѣмецкіе напри- мѣръ, считаютъ своихъ собственныхъ нѣмецкихъ хозяевъ и всякихъ другихъ нѣмецкихъ господъ чужими людьми и своими врагами, а французскихъ, англійскихъ и всякихъ другихъ рабочихъ считаютъ своими товарищами и братьями. Братьями же считаютъ они и русскихъ рабочихъ и твердо были увѣрены, что, какъ только русскіе рабочіе поймутъ свои интересы, они также будутъ вмѣстѣ съ рабочими всѣхъ странъ бороться за лучшее будущее для всего трудящагося люда.

Какую силу придалъ рабочимъ этотъ международный союзъ сейчасъ же сказалось при стачкахъ. Стачки повсюду случались и раньше,

какъ случаются и у насъ въ Россіи. Но такъ какъ стачечники полагались только на свои силы, то по большей части хозяевамъ не трудно было справиться съ ними, голодъ скоро заставлялъ ихъ вернуться въ мастерскія, ничего не добившись. Часто дѣла кончались еще хуже. За самую стачку почти нигдѣ въ Европѣ не наказываютъ. Чтобы вмѣшались полиція или даже войска, надо чтобы случились какіе-нибудь беспорядки, чтобы рабочіе подрались, повывали стекла въ окнахъ или поломали что-нибудь на фабрикѣ. И при всякой большой стачкѣ хозяева обыкновенно очень желали и даже старались о томъ, чтобы поскорѣе случилось что-нибудь подобное. При малѣйшихъ беспорядкахъ приходили войска, арестовывали зачинщиковъ, то-есть всѣхъ рабочихъ поумнѣе и посмѣлѣе, кто сопротивлялся, тѣхъ застрѣливали, а остальные, лишенные всѣхъ лучшихъ товарищей, молча принимались за работу. Наконецъ, у хозяевъ было и еще средство справиться со стачкой. Они часто вызывали на мѣсто своихъ столкнувшихся рабочихъ какихъ-нибудь другихъ, или изъ сосѣднихъ городовъ, или изъ другихъ государствъ.

Международное Общество знало, что стачками нельзя добиться никакихъ большихъ улучшеній въ судьбѣ рабочихъ, но знало также и то, что безъ стачекъ при настоящихъ порядкахъ обойтись нельзя что часто только этимъ способомъ и можно помѣшать хозяевамъ сбавлять безъ конца и безъ того ничтожную заработную

плату; поэтому Общество рѣшило, разъ ужъ случаются стачки, дѣлать все возможное для того, чтобы онѣ были удачны, помогать имъ всѣми своими силами. При каждой крупной стачкѣ выборные люди Международнаго Общества, извѣщали о ней своихъ сочленовъ въ другихъ городахъ и странахъ и повсюду по мастерскимъ и фабрикамъ начинались сборы на помощь стачечникамъ. Рабочіе давали, кто что могъ копѣиками, гривенниками, но такъ какъ дававшихъ были десятки тысячъ то изъ гривенниковъ собирались большія суммы, и брать стачечниковъ голодомъ не было никакой возможности.

Прекратились и беспорядки; натѣясь на успѣхъ рабочіе сами старались не дать войскамъ никакого повода вмѣшиваться въ дѣло. Пересталъ удаваться и вывозъ рабочихъ изъ другихъ странъ. Международное Общество сейчасъ же всюду оповѣщало чтобы никто не занимался къ хозяину, на фабрикѣ котораго шлесть стачка. Словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ вмѣшалось въ дѣло Международное Общество, хозяевамъ приходилось въ большей части случаевъ уступать требованіямъ рабочихъ. Это пугало и бѣсило хозяевъ и всю буржуазію, поэтому она повсюду подняла крикъ о необходимости преслѣдовать такое вредное общество. Первымъ взялось за эти преслѣдованія французское правительство. Тогда тамъ царствовалъ императоръ Наполеонъ III порядки были похожи на наши царскіе. Правительство начало отдавать подъ судъ; однихъ за

Другими, всѣхъ рабочихъ, которыхъ парижскіе члены Международнаго Общества выбирали для веденія своихъ дѣлъ (сбора денегъ, приѣма новыхъ членовъ, переписки съ другими городами и проч.). Такими выборными Международнаго Общества были и Варленъ съ товарищами. Отданные подъ судъ, они сообща обдумали, что именно надо говорить на судѣ, и поручили Варлену говорить за всѣхъ. Мы печатаемъ дальше переводъ этой рѣчи, пропустивши начало гдѣ Варленъ отвѣчаетъ прокурору и говорить о разныхъ частностяхъ обвиненія.

Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Варленѣ и его дальнѣйшей судьбѣ.

Во время суда Варлену было 27 лѣтъ. Двадцати лѣтъ онъ пришелъ въ Парижъ, едва умѣя читать и писать. Здѣсь скоро до него дошли слухи о томъ ученіи, которое говоритъ, что рабочіе могутъ и должны освободиться отъ своей тяжелой доли, что отъ нихъ самихъ зависитъ добыть себѣ будущее. Онъ заинтересовался этимъ ученіемъ захотѣлъ знать и понимать, какъ можно больше и принялся учиться, проводя за книгами вечера, а иной разъ—и ночи, такъ какъ днемъ долженъ былъ работать въ переплетной мастерской. Когда въ Парижѣ основалось Международное Общество, Варленъ однимъ изъ первыхъ вступилъ въ него. Своимъ умомъ, а еще больше своею глубокою преданностью дѣлу, всегдашней готовностью отдать ему всѣ свои силы, онъ скоро заслужилъ любовь и уваженіе товарищей. Его нѣсколько разъ посы-

ляли на съѣзды, на которые собирались изъ всѣхъ странъ выборные люди Общества, чтобы вмѣстѣ обсудить и рѣшать дѣла рабочаго класса. Въ 1868 году онъ былъ, какъ мы уже говорили, избранъ въ комиссію, завѣдывавшую всѣми дѣлами парижскаго отдѣла Международнаго Общества, былъ преданъ суду и вмѣстѣ со всѣми остальными подсудимыми приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ штрафу.

Выйдя изъ тюрьмы Варленъ тотчасъ же снова взялся за дѣла Международнаго Общества, но вести ихъ стало гораздо труднѣе. Такъ какъ правительство арестовывало всѣхъ выборныхъ Общества, то рабочіе рѣшили вести дѣло тайно и не дѣлать болыше открытыхъ выборовъ. А Общество, между тѣмъ быстро распространялось во Франціи, и у него были уже десятки тысячъ членовъ разбросанныхъ по разнымъ городамъ. Объединить въ одно цѣлое этихъ многочисленныхъ членовъ, безъ возможности открыто выбирать вожаковъ, было очень трудно. Всѣхъ преданнѣе, всѣхъ энеричнѣй взялся за дѣло Варленъ. Поэтому онъ скоро сдѣлался общимъ вождемъ, „душой“, какъ писали потомъ о немъ его товарищи, рабочаго дѣла во Франціи. Къ нему со всѣхъ сторонъ изо всѣхъ городовъ, гдѣ были члены Общества, обращались за совѣтомъ и помощью онъ главнымъ образомъ завѣдывалъ сборами для помощи стачечникамъ, онъ же заботился и о газетѣ, которую издавало Общество.

Трудно представить себѣ, какъ справился

бы съ такой массой дѣлъ даже человѣкъ, который могъ бы отлавать этимъ дѣламъ все свое время, а Варлену приходилось еще работать для хлѣба, приходилось по временамъ скрываться отъ полиціи. Тѣмъ не менѣе, его хватило на все, и болѣе двухъ лѣтъ онъ оставался во главѣ французскаго рабочаго движенія. Буржуазіи удалось тогда еще разъ побѣдить это движеніе. Рабочіе были вынуждены возстать, въ то время, когда у нихъ не было еще достаточно силъ для окончательнаго торжества.

Мы въ другой разъ расскажемъ нашимъ читателямъ объ этомъ возстаніи (18 марта 1871 г.) и о Коммунѣ, рабочемъ правительствѣ Парижа, два мѣсяца управлявшемъ своимъ громаднымъ городомъ, и управлявшимъ умнѣе и гораздо честнѣе прежнихъ правительствъ.

Варленъ и въ возстаніи былъ впереди, онъ былъ также членомъ рабочаго правительства, а затѣмъ, когда вошли въ Парижъ посланныя буржуазіей войска, онъ бился съ ними до конца, остался въ живыхъ, но былъ потомъ арестованъ на улицѣ и разстрѣлянъ по приказу генерала. Солдаты, которымъ поручено было разстрѣлять Варлена, долго водили его изъ одной улицы въ другую, выбирая удобное мѣсто для казни. Одинъ враждебный рабочимъ литераторъ шелъ, изъ любопытства, за солдатами и присутствовалъ при смерти Варлена.

Онъ такъ писалъ потомъ о немъ въ своей газетѣ: „Какія бы преступленія ни совершилъ этотъ человѣкъ, но онъ шелъ такъ спокойно,

10

зная, что ожидаетъ его въ концѣ пути, и умиралъ съ такою твердостью, что становилось больно смотреть на все это*.

„Вся жизнь его была примѣрна“ — говорить о Варленѣ его товарищъ Малонъ. — „Необычайно дѣятельный, всегда рѣшительный, безконечно преданный дѣлу и при томъ очень скромный, никогда не думавшій о себѣ самомъ, Варленъ пользовался огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на всѣхъ окружающихъ. Рабочіе никогда не забудутъ этого человѣка, который такъ много сдѣлалъ для своихъ братьевъ и умеръ за нихъ“.

Малонъ писалъ эти слова вскорѣ послѣ смерти Варлена. Съ тѣхъ поръ прошло 19 лѣтъ, и рабочіе не только не забыли этого человѣка, а на оборотъ, по мѣрѣ того, какъ растетъ та борьба въ которой онъ былъ однимъ изъ лучшихъ борцовъ, все большее и большее число рабочихъ во всѣхъ странахъ міра съ любовью и величайшимъ уваженіемъ вспоминаетъ его имя. Съ такой же любовью будутъ вспоминать его и русскіе рабочіе, когда начнутъ бороться за то великое дѣло, для котораго жилъ и за которое умеръ Варленъ.

Рѣчь Варлена передъ судомъ.

„Хотя предъ закономъ, господа, вы — судьи, а мы обвиняемые но на самомъ дѣлѣ, мы съ вами представляемъ двѣ борющіяся партіи вы отстаиваете во что бы то ни стало, настоящій порядокъ, защищаете то, что есть мы хотимъ

— 11 —

измѣнить этотъ порядокъ, мы, представители социалистической партіи. Разсмотримъ же добросовѣстно, хорошъ ли теперешній порядокъ, и виноваты ли мы, что хотимъ измѣнить его? Несмотря на объявленіе правъ человѣка, на минутное торжество народа *) и теперь еще нѣсколько человѣкъ могутъ, когда захотятъ, заставить литься цѣлыми потоками въ братоубійственной войнѣ народную кровь, хотя народъ вездѣ одинаково страдаетъ и вездѣ желаетъ одного и того же. Всѣ наслажденія достаются небольшому числу людей, которому приходится придумывать, что бы такое еще купить на свои богатства; а миллионы трудящихся страдаютъ въ нуждѣ и невѣжествѣ, терпятъ безпопальное угнетеніе и остаются при старыхъ предразсудкахъ, закрѣпляющихъ ихъ рабство.

Если мы перейдемъ къ частностямъ, то увидимъ, что въ промышленности на необходимое не хватаетъ рукъ, а дорогихъ и бесполезныхъ вещей производится слишкомъ много, миллионамъ дѣтей бѣдняковъ не во что одѣться, а въ магазинахъ выставлены баснословно дорогія шали, на которыя потрачено по десяти тысячъ рабочихъ дней. Платы рабочаго не хватаетъ на самое необходимое, а вокругъ него ничего не дѣлающіе

*) Варленъ вспоминаетъ здѣсь о бывшей сто лѣтъ, тому назадъ великой революціи французскаго народа, когда послѣдній уничтожилъ королевскую власть, отнялъ всякія преимущества у дворянъ и духовенства, но самъ остался подъ властью богачей, буржуазіи. Съ этой буржуазіей боролась въ шестидесятыхъ годахъ рабочая социалистическая партія, къ которой принадлежалъ Варленъ.

люди прожисаютъ огромныя деньги. Рабство погубило древній міръ. Современное общество тоже погибнетъ, если не прекратитъ страданій большинства, если будетъ продолжаться думать, что всѣ должны трудиться и терпѣть лишенія, чтобы солеркать въ роскоши нѣсколько чело-вѣкъ. Оно погибнетъ, если не захочетъ понять всю жестокость порядка, къ которому подходитъ такое сравненіе (Варленъ читаетъ вслухъ отрывокъ изъ статьи одного социалистическаго журнала): „что сказали бы вы, читатель, если бы, наблюдая стаю голубей, слетѣвшихся на пше-ничное поле, вы замѣтили, что изъ ста птицъ — девяносто девать, вмѣсто того, чтобы беззаботно клевать зерна, старательно собираютъ ихъ въ кучу, оставляя себѣ мякину, и отдаютъ эту со-бранную кучку одному голубю, пожалуй, самому плохому изъ всей стаи; причемъ этотъ счастли-вый голубь, набршись доотвала, начинаетъ важ-ничать, портить и разбрасывать во всѣ стороны зерна, а остальные девяносто девать голодныхъ голубей только охраняютъ его богатства, а если который-нибудь изъ нихъ осмѣлится воспользо-ваться хоть зернышкомъ изъ кучи, всѣ другіе набрасываются на него и выщипываютъ ему перья... Вы не видѣли, конечно, ничего подоб-наго среди голубей, но такіе именно порядки установлены между людьми, такъ именно люди всегда поступаютъ“.

Это ужасно, но совершенно вѣрно, продол-жаетъ свою рѣчь Варленъ.

Развѣ не къ такимъ девяноста девати при-

надлежитъ рабочій, который роцися въ нищегѣ, расгетъ, голодая, плохо одѣтый, въ плохой квар-тирѣ; растетъ безъ матери, вынужденной ходить на работу и оставлять его безъ призора, нѣ жерт-ву тысячамъ случайностей, которыя грозятъ за-брошенному ребенку. И очень часто онъ при-обрѣтаетъ съ самага дѣтства болѣзни, отъ кото-рыхъ страдаетъ потомъ всю жизнь. Только что наберется онъ немножко силъ, лѣтъ въ восемь, напримѣръ, онъ долженъ уже начинать рабо-тать; долженъ цѣлые дни проводить за непо-сильнымъ трудомъ въ нездоровой мастерской, гдѣ съ нимъ грубо обращаются, гдѣ онъ не на-учается ничему, кромѣ пороковъ! Вырастетъ онъ — судьба его не перемѣнится. Въ двадцать лѣтъ его возьмутъ въ солдаты и запрутъ въ казармы или пошлютъ на войну, гдѣ онъ можетъ быть убитъ, не узнавши даже, за что сражался. Если онъ возвратится живымъ, онъ можетъ жениться, что бы тамъ ни говорили добродѣтельный англи-чанинъ Мальтусъ и французскій министръ Дю-шателъ, которые полагаютъ, что рабочимъ не слѣдуетъ обзаводиться семьей, что и самихъ-то бѣдняковъ, не находящихъ пропитанія, никто не принуждаетъ оставаться въ живыхъ.

Но рабочій все-таки женится, и тутъ-то, когда у него родятся дѣти, онъ узнаетъ весь ужасъ нужды, съ ея болѣзнями, дороговизной, безработицей, Если подъ вліяніемъ этой нужды онъ потребуетъ прибавки заработной платы, то въ Англии его голодомъ заставятъ замолчать, въ Бельгии его застрѣлятъ, въ Италиі посадятъ въ

тюрьму, въ Испаніи противъ него объявятъ осадное положеніе, въ Парижѣ погнать въ сутъ»...

Предсѣдатель суда прерываетъ Варлена.

Въ Парижѣ,—говоритъ онъ,—никого не тащатъ. Подсудимыхъ приводятъ въ судъ и часто обращаются съ ними слишкомъ снисходительно. Возмите свои послѣднія слова назадъ, иначе я не могу позволить вамъ продолжать вашу защитительную рѣчь». Варлень, посоветовавшись съ остальными подсудимыми, соглашается взять назадъ слово «пстащать».

Предсѣдатель.—Вы не должны ни съ кѣмъ совѣтоваться. Берете ли вы свои слова назадъ по своей собственной волѣ?

Варлень.—Беру.

Предсѣдатель.—Продолжайте вашу защиту.

Варлень.—Всюду со страшными усилиями рабочій влачитъ свое существованіе среди лишеній и оскорбленій. Въ зрѣломъ возрастѣ ему нечѣмъ помянуть свою молодость, и онъ долженъ со страхомъ ждать старости. Если у него нѣтъ семьи, или семья его слишкомъ бѣдна, то какъ только пропадетъ его рабочая сила, онъ будетъ арестованъ за нищенство и безпріютность и, какъ преступникъ, умретъ въ заключеніи.

А этотъ человѣкъ вчетверо больше сработалъ, чѣмъ израсходовалъ на своемъ вѣку.

-- Что же сдѣлало общество съ остальными тремя четвертями его работы?

Оно отдало ихъ сотому голубю.

Этотъ сотый—сынъ богатыхъ родителей—окруженъ съ самаго рожденія всѣми заботами и всею роскошью. Его дѣтство проходитъ среди ласкъ и удовольствій. Учителя даютъ ему всякія знанія. Его молодость переполнена наслажденіями, роскошью, игра, кутежъ и пролажная лобовь—все къ его услугамъ.

Насытившись всѣмъ на свѣтѣ, онъ женится, и семья его окружаетъ своими тихими радостями. За плату онъ послалъ вмѣсто себя на опасности войны брата той цѣвущки которую купилъ или соблазнилъ; но его все-таки будутъ прославлять за патриотизмъ, на него будутъ сыпаться почести, чины и награды! Ему нечего опасаться старости онъ видитъ впереди лишь исполненіе своихъ честолюбивыхъ мечтаній. Вѣдь онъ богат! А между тѣмъ этотъ счастливецъ никогда не работалъ, ничего не произвелъ; онъ всю жизнь только пользовался лишеніями девяти своихъ братьевъ... Среди этой роскоши и нищеты, угнетенія и рабства, невѣжества и разврата, насъ одно только и утѣшаетъ: мы знаемъ изъ исторіи, какъ непрочень тотъ порядокъ, при которомъ люди могутъ умирать съ голоду у пороговъ дворцовъ, переполненныхъ всѣми благами мира.

Присмотритесь, и вы увидите глухую ненависть между богатымъ классомъ, охраняющимъ теперешнее положеніе, и рабочимъ который хочетъ завоевать себѣ лучшее будущее. Богатый классъ вернулся къ предрасудкамъ, исчезнув-

гимъ сто лѣтъ тому назадъ; среди него развился самый бѣшеный развратъ, всякій его членъ думаетъ только о себѣ. Все это—признаки близкаго паленія; земля уходитъ изъ-подъ вашихъ ногъ, берегитесь!

Классъ который до сихъ поръ поръ поръ появлялся въ исторіи лишь во время возстаній, для того чтобы уничтожить какую-нибудь великую несправедливость; классъ, который угнетали всегда и всѣ,—рабочій классъ—узналъ, наконецъ, что именно нужно сдѣлать, чтобы уничтожить все зло и всѣ страданія. Съ вашей стороны было бы очень благоразумно—не мѣшать его справедливому дѣлу... Буржуазія не можетъ ничего противопоставить рабочимъ, кромѣ насилій и жестокостей... Но насилія только ускоряютъ взрывъ. Если бы буржуазія не хотѣла быть бесполезно жестокой, ей слѣдовало бы уступить мѣсто людемъ, вѣрящимъ въ лучшее будущее, и трудящимся надъ подготовленіемъ справедливаго общественнаго порядка.